

П.Н. Барышников

Процесс номинации и структура языкового сознания

Работа языкового сознания с образами языковой действительности – процесс сложный и малоизученный. В философской интерпретации данного вопроса существует множество подходов, но наиболее близко к указанной проблеме синтеза многообразия чувственного опыта подошел И. Кант. Он ввел понятие трансцендентального единства сознания, благодаря которому возможны синтезирующие действия. В трансцендентальном единстве апперцепции осуществляется высший синтез самосознания субъекта, из которого исходит вся остальная систематизация многообразия чувственного представления. Проще говоря, это этап, в котором синкретичность слитность сознания исчерпывает себя сознание «раскалывает» бытие на Я и не-Я, а имя служит посредником между этими двумя мирами – миром смысловых содержаний субъекта и миром вещей. В образе вещи стала «сказываться» и субъективная включенность в объект.

Важно понимать, что номинативный период становления языкового сознания – это многоуровневый процесс, который протекал как на этапе формирования примитивного вербально-артикуляционного аппарата, так и на более поздних этапах.

Остается загадкой различие между сигналом, осмысленным звукоподражанием (если таковое вообще имело место) и полновесным словом. Разумеется, для лингвистов в этом вопросе нет ничего особенного: *сигнал* – примитивный индекс, присущий животному миру, функционирующий за счет перцептивных схем, инстинктов и первичной сигнальной системы; *звукоподражание* – транзитивный период от сигнала к произвольной звуковой актуализации физических характеристик предметов и явлений; и наконец, *слово* – некий таинственный посредник

между образом предмета и самим предметом, предающий сущностные черты мира явлений в образах доступных индивидуальному и коллективному уровням сознания.

Для философа здесь все не так просто. И дело здесь даже не в мировоззренческих платформах (не в борьбе эволюционизма с креационизмом, не в первичности материи или сознания). Не случайно несколькими абзацами выше мелькнуло слово «квант». Очевидно, что в этом вопросе лингвистика переживает тот же философский коллапс, что и физика первой половины XX в. *Если слово выражает сущностные черты предметов в материале той или иной картины мира, то картина мира «на упреждение» преобразует образ действительности. Имя как функция слова признает за сознанием его включенность в объект.*

Именно это свойство имени, которое проявилось в системе примитивных номинаций (по сути, еще бессловесных), совершило когнитивный переворот. В первобытном сознании произошла так называемая когнитивная центрация – осознание того, что условием для актуализации чувственных ощущений может быть только наличествующее бытие субъекта, познающего Я. Иными словами, номинация – это первый шаг к декартовскому *cogito ergo sum*. Возможно (это действительно не более чем просто смелое предположение), что именно раскол мира сознанием на Я и не-Я и единство этих пластов бытия в языке послужили причиной появления всех бинарных оппозиций (верх-низ, горячее-холодное, тьма-свет, свой-чужой и т.д.), собственно и всей культурной дихотомии. Можно также предположить, что прямохождение отразилось в сознании как некая ось, требующая индексации сторон, направлений центра и периферии. Не случайно индивидуальное осевое переживание в ментальности родо-племенной группы выражается в виде этноцентризма. Несмотря на осевые ориентиры, в родовых обществах доминирует тип «роевого» сознания, когда индивидуальное и персонифицированное поддается коллективной символической репрезентацией действительности.

На этой онтологической базе включенности активного сознания в результаты освоения действительности стала развиваться вся человеческая культура. Разумеется, сознание контролирует этот процесс, но не репрезентирует его в знаковой форме. Точно так же человек не индексирует сердцебиение, дыхание, отражение на сетчатке глаза и т.д.; индексируется только номинированная реальность и субъективная чувственно-эмоционально-волевая включенность в эту реальность. Об этом состоянии говорят «быть в сознании».

В науке бытует распространенное мнение, что религиозно-

мифологическое сознание появилось гораздо позже языковых способностей. Но данные палеоантропологии свидетельствуют о первых магико-религиозных захоронениях, которым 300-400 тыс. лет. Останки периода палеолита говорят о развитии охотничьей магии, системы охотничьих ритуалов, направленных на религиозную координацию отношений охотника и жертвы [1: 10-33]. Это свидетельствует о том, что языковое сознание развивалось параллельно с магико-религиозными представлениями. Такой тезис позволяет нам допустить, что основы языка и примитивной религии обладают единообразной структурой. И действительно, с момента, когда сознание человека преодолевает «сплошность», синкретичность, нерасчлененность, мир раскалывается на Я и не-Я. С этого момента весь набор сенсорного опыта применимый к пространству Я переносится по аналогии (другие процедуры просто не доступны) на предметы внешнего мира (не-Я), поэтому «небеса гnevаются», «животные мстят», «море дышит», «деревья шепчут», «солнце встает» и т.д. Здесь же осмысливается опыт сна и смерти, на основе чего выстраиваются представления о потустороннем мире, об инобытии – сакральной «изнанке» повседневности.

Что же из этого следует? Как мы видим, ключевую роль здесь играют не имена предметов, а имена процессов, действий, т.е. в основе аналогий лежит функция **предикации**. Она является «скрепляющим материалом» дискретного эмпирического опыта. Номинация процессов, действий лежит в основе аналогий и смысловых переносов, следовательно, и во всей лексико-семантической эволюции. Язык находится в непрерывном изменении, и необходимо понять, что для языка как для целостной системы важно не статичное закрепление значений, а возможность комбинирования смыслами. В этом и кроется когнитивная функция в процессах номинации.

Именно комбинации предикативных форм осуществляют «обратную связь» с эмпирическим опытом. Иначе опыт был бы «о чем-то одном», а высказывание об этом соотносилось бы с реальностью, совершенно несводимой к опыту, т.е. реальность была бы «о чем-то другом». Постепенно эмпирическое содержание расширялось и требовало все более многообразных смысловых связей, так происходило становление грамматики. Номинация явлений, не имеющих реального денотата, была связана не только с мистическим опытом, но и с усложнением темпоральной структуры высказывания, с необходимостью служебных слов, с усложнением синтаксических связей. Все-таки образы мистических сил имели какое-то изоморфное воплощение в сознании субъекта, и к ним можно было подобрать аналогии из реального опыта. Но

как быть с понятиями «вчера», «якобы», «когда», «тем не менее» и пр.? Очевидно, что в языке отразилось усложнение темпоральной структуры памяти. Человек достиг того уровня, когда опыт нуждается не только в сиюсекундных операциях с предметами действительности, а в некой «сплошной» системности. Таким образом, язык приобретает (либо они всегда были – это еще вопрос) адаптивные эволюционные функции, становясь самопорождающим и самонастраиваемым механизмом в рамках комбинаторных закономерностей и схем.

Здесь есть соблазн впасть в «апофеоз диалектики», столь любимой советской школой индоевропеистов, описывающих единство противоречий между статикой и динамикой, нерасчлененностью значений и многозначностью, системностью и асистемностью языка [2: 11]. В этих размышлениях важна мысль о том, что универсальность языковой системы состоит не в многообразии статичных ярлыков-значений, а в самой возможности смысловой комбинации. Отметим важность этого перехода от примитивной наглядной номинации по принципу предмет – слово (хотя так доподлинно и неизвестно, существовал ли в реальности такой этап в развитии языка) к предикативной номинации по принципу действие – вид – образ предмета – слово. Здесь нам и понадобится хрестоматийный пример А.Ф. Лосева про «человекооленьевидение» [3: 252].

В своей статье Лосев анализирует следующую фразу из колымского диалекта юкагирского языка: *asayulsoromoh*, где *asa* – олень, *yuol* – видение, *soromoh* – человек. Получается, что дословно *asayulsoromoh* – это «олень-видение-человек», что в переводе на русский язык означает «Человек увидел оленя». Далее автор выдвигает идею о том, что «отсутствие морфологии в инкорпорированном грамматическом строе свидетельствует о том, что инкорпорированное мышление оперирует исключительно, только бесформенными, расплывчатыми, не анализируемыми чувственными пятнами» [3: 253]. По мнению автора, такой грамматический строй, в котором нет явных признаков частей речи, говорит об отсутствии различия между сущностью и явлением и об отсутствии логических категорий.

Действительно, на первый взгляд может показаться, что нерасчлененное синкретичное первобытное мышление оперировало только «бриколажными» образами, «все было похоже на все», и что в этом якобы и кроется специфика мифологического мышления, воспринимающего мир в десемантизированной целостности на уровне произвольных ассоциаций. Но такое положение вещей приводит нас к неправомерной мысли о том, что архаичные языки или языки примитивных (с точки

зрения западной цивилизации) народов имеют упрощенную структуру.

Дело обстоит иначе. Разумеется, каждый язык (даже самого примитивного народа, живущего и по сей день в периоде неолита, как, например, некоторые племена Амазонии или Австралии) проходит определенную фазу становления, запечатляя в своей структуре весь исторический опыт его носителей. То, что в языках североамериканских индейцев не всегда различимы подлежащее и дополнение, а в языке нутка нет глаголов, совсем не говорит об их примитивности. Существительное языка пайуите *witokuchumpunkturüganinyugwivantimü* [4: 32] вместило в себя девять корней, и в символическом единстве приписало одному агенту атрибуты, которые в русском языке выражаются при помощи сложной синтаксической группы: *«те, кто собирается сесть и забить черную корову ножом»*. Разве свидетельствует такое различие о том, что языковое мышление индейцев пайуите, синтаксически не различающее субъект, объект и предикат проще, чем языковое мышление русскоговорящих? Современная типология убедительно доказала, что языковые трансформации избыточны, и языковая грамматика, обладает формой, полностью удовлетворяющей когнитивные и коммуникативные функции носителей языка. И неверно полагать, что в технологически или политически слабо развитом обществе эти функции более просты, они просто охватывают иные пласты бытия.

Какие можно сделать выводы относительно структуры языкового сознания и первичных процессов номинации?

Первое, на что стоит обратить особое внимание, это то, что зарождение языка и первых принципов номинации неразрывно связано с первыми религиозными практиками. *Имя и ритуал – это первые попытки человека проникнуть в суть вещей.*

Второе. *В сущности вещи, выраженной в имени, содержится включенность субъекта с его так называемым «метафорическим опытом».* Имя является посредником между значением, выраженном в опыте, и смыслом как возможностью ассоциативно-семантической комбинаторики.

Третье. *Процесс номинации ускорил развитие самосознания, т.е. у человека мир раскололся на Я и не-Я, и появилась культурная осевая ориентация.*

Четвертое. Номинативная фиксация в равной степени применяется как к профанному физическому опыту, так и к сакральному мистическому, т.е. семантические концепты вмещают в свои ассоциативные поля не только результат физической обыденной практики, но и мистико-религиозный опыт сознания.

Пятое. Принцип номинации с последующей языковой эволюцией не зависит от степени цивилизационной развитости носителей языка. Любой язык мира – от современного английского до вымирающего языка на-дене – воспроизводит бытие в его многообразии и целостности, адекватно отвечая фазам развития культуры любой сложности.

Мы ретроспективно рассмотрели некоторые вопросы, связанные с проблемой становления языкового сознания и его связи с процессами номинации в ритуально-мифологическом мышлении. Надо сказать, что и по сей день человеческий язык, словно банк данных памяти всего человечества, хранит в себе следы древних мистических представлений о мире. В структуре языков хранятся свидетельства становления человечества, свидетельства, которые ждут новых научных теоретико-методологических подходов, способных приблизиться к пониманию сути языка, мышления и самого человека.

Библиографический список

1. Элиаде М. История веры и религиозных идей. В 3-х т. Т. 1. М.: Критерион, 2002. С. 10-31.
2. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М., 1970. С. 11.
3. Лосев А.Ф. О пропозициональных функциях древнейших лексических структур // Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию. М., 1982. С. 252.
4. Бейкер М.К. Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 32.